

У.Д. Хоуэллс

Возышение Сайласа Лэфема

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
У11

У11 **У.Д. Хоуэллс**
Возышение Сайласа Лэфема / У.Д. Хоуэллс – М.: Книга по Требованию,
2021. – 228 с.

ISBN 978-5-4241-1455-7

Настоящий том посвящен творчеству крупного американского писателя Уильяма Дина Хоуэллса (1837-1920). Из обширного творчества писателя в книгу вошли романы "Возышение Сайласа Лэфема" (1884).

ISBN 978-5-4241-1455-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© У.Д. Хоуэллс, 2021

Уильям Дин Хоуэллс
ВОЗВЫШЕНИЕ САЙЛАСА
ЛЭФЕМА

Когда Бартли Хаббард пришел взять у Сайласа Лэфема интервью для серии «Видные люди Бостона», которую взялся закончить в «Событиях», заменив в этой газете того, кто эту серию задумал, Лэфем, заранее договорившись, принял его в своем кабинете.

— Входите, — сказал он журналисту, увидя его в дверях конторы. Он не встал из-за бюро, за которым писал, а в виде приветствия протянул Бартли левую руку и кивнул своей крупной головой на свободный стул. — Садитесь! Через минуту освобожусь.

— Не спешите, — сказал Бартли, сразу почувствовав себя свободно. — Время у меня есть. — Он вынул из кармана блокнот, положил его на колено и принялся чинить карандаш.

— Готово! — Лэфем пристукнул большим волосатым кулаком конверт, который только что надписал. — Уильям! — кликнул он мальчишку-рассыльного, и тот взял письмо. — Отправить немедленно. Итак, сэр, — продолжал он, повернувшись на врачающемуся стуле, обитом кожей, и оказавшись так близко к Бартли, что их колени почти соприкасались. — Итак, вам нужны моя жизнь, смерть и перенесенные страдания, а? молодой человек?

— За этим я и пришел, — сказал Бартли. — Кошелек или жизнь!

— Думаю, моя жизнь без моих денег вам бы не понадобилась, — сказал Лэфем, точно не прочь был продлить это вступление.

— Мне нужно то и другое, — сказал Бартли. — Ваши деньги без вашей жизни мне тоже ни к чему. Но публике вы ровно в миллион раз интереснее, чем если бы не имели ни доллара; это вы знаете не хуже меня, мистер Лэфем. Чего тут ходить вокруг да около.

— Да, — сказал Лэфем несколько рассеянно. Толчком своей большой ноги он закрыл дверь матового стекла, отделявшую его убежище от клерков, сидевших в общей комнате.

«Внешность Сайласа Лэфема, — написал Бартли в очерке, героя которого он сейчас изучал, терпеливо ожидая, чтобы тот заговорил. — Внешность Сайласа Лэфема типична для преуспевшего американца. У него волевой квадратный подбородок, лишь частью скрытый короткой рыжеватой с проседью бородой, доходящей до краев твердо сжатого рта. Нос у него короткий и прямой; лоб большой, но более широкий, чем высокий; в голубых глазах светится то доброта, то непреклонность, смотря по настроению. Роста он среднего, сложения плотного; в день нашей встречи он был скромно облачен в рабочий костюм из синей саржи. Голова на короткой шее несколько наклонена вперед и неохотно подымается на массивных плечах».

— Я ведь толком не знаю, с чего мне начать, — сказал Лэфем.

— Начните с вашего рождения; этим обычно начинает большинство из нас, — ответил Бартли.

Голубые глаза Лэфема блеснули как знак того, что он оценил юмор.

— Не знаю, надо ли забираться так уж далеко, — сказал он. — Но стыдиться тут нечего, родился я в Вермонте, на самой канадской границе, так что мог и не оказаться американцем по праву рождения, но уж американцем должен быть

обязательно. Было это — погодите-ка — почти шестьдесят лет назад; сейчас у нас 75-й, а то было в 20-м. Словом, я прожил пятьдесят пять лет, и *нелегких* лет; времени не терял, ни одного часу! Родился на ферме, ну и...

— Летом — полевые работы, зимой — школа, все как водится? — вмешался Бартли.

— Как водится, — повторил Лэфем, не очень довольный непочтительной подсказкой.

— Родители, разумеется, бедняки, — подсказал журналист. — Ходили босой? Терпели всевозможные лишения в детстве, которые вдохновили бы юного читателя на такой же путь? Я сам сирота, — сказал Бартли с цинической фамильярностью.

Лэфем поглядел на него и сказал с достоинством:

— Если это все шуточки, то моя жизнь вам не интересна.

— Что вы, очень, — сказал, не смущаясь, Бартли. — Увидите, как хорошо все получится. — Так оно и получилось в интервью, опубликованном Бартли.

«М-р Лэфем, — писал он, — ненадолго остановился на своих ранних годах с их бедностью и лишениями, смягченными воспоминаниями о любящей матери и об отце, хоть и еще менее образованном, но столь же озабоченном будущностью детей. Это были смиренные люди, религиозные, как и все в то время, и безукоризненно нравственные; они преподали детям простые добродетели Старого завета и „Альманаха Бедного Ричарда“.

От этой насмешки Бартли не мог удержаться; но он надеялся, что Лэфем не силен в литературе, а большинство других считает это за искренний репортерский пафос.

— Видите ли, — объяснил он Лэфему, — все эти факты для нас — материал, и мы привыкли их сортировать. Бывает, что наводящий вопрос извлекает массу фактов, о которых сам человек и не вспомнил бы. — Он задал несколько вопросов и из ответов Лэфема составил историю его детства. «М-р Лэфем, не задерживаясь на своих ранних лишениях, тем не менее упомянул о них с глубоким чувством, и они все еще живут в его памяти». Это он добавил после; и когда Лэфем с его помощью миновал период нужды, лишений и стремления выбиться, трогательно одинаковый у всех преуспевших американцев, Бартли сумел заставить его забыть, что его прерывали, и он продолжал, получая немалое удовольствие от своей автобиографии.

— Да, сэр, — говорил Лэфем с таким волнением, что Бартли уже не перебивал его, — человек не знает, чем была для него мать, а там уж поздно сказать ей, что он это понял. Моя мать, — тут он остановился, — у меня комок в горле, как вспомню, — сказал он, как бы извиняясь, и попытался усмехнуться. Потом продолжал: — Маленькая была, щупленькая, ростом со школьницу средних классов; а работала на целую семью мальчишек, да еще и стряпала на поденщиков. Стряпала, мыла, стирала, гладила, штопала с рассвета до темна. Я хотел сказать, и с темна до рассвета, потому что не знаю, когда она спала. Как-нибудь ухитрялась. И в церковь успевала ходить, и учить нас читать Библию, и толковать ее на старый манер, то есть вкривь и вкось. Хорошая была женщина. Но когда вспоминаю ее на коленях, то не в церкви, а словно ангела на коленях передо мной; мои мои бедные грязные ноги — ведь я день-деньской бегал босиком, — чтобы спать лег чистым. А было нас шестеро, все мальчишки, один к одному, и так она

обиживала каждого. Как сейчас помню, как моет мне ноги. — Бартли взглянул на ноги Лэфема в ботинках огромного размера и тихонько присвистнул. — Мы ходили все в заплатах, но не в лохмотьях. *Как* она со всем спрашивалась — ума не приложу. Она, верно, думала, что ничего тут нет особенного, и того же, конечно, ждал от нее отец. Он тоже работал как лошадь и дома, и в поле и скоту задавал корм, а сам все время охает — ревматизм, — охает, но работает.

Бартли скрыл за блокнотом зевок и, если бы мог говорить откровенно, сказал бы Лэфему, что интервью не распространяется на предков. Но Бартли научился сдерживать нетерпение и показывать вид, будто интересуется отступлениями своих жертв, пока ему не удавалось быстро перевести разговор.

— Да, скажу я вам, — произнес Лэфем, тыча перочинным ножом в лежавший перед ним блокнот. — Нынешние женщины плачутся, что жизнь у них пустая, неинтересна им. А рассказать бы им, как жилось моей матери. Много чего я бы им порассказал.

Бартли воспользовался этим моментом.

— Так, значит, на той старой ферме вы и нашли залежи минеральной краски? Лэфем понял, что надо ближе к делу.

— Нашел не я, — честно уточнил он. — Отец ее нашел. В яме из-под поваленного дерева. Его бурей выворотило. С огромным комом земли и с корнями. А на корнях налипла краска. Не знаю, отчего отец решил, что дело это денежное; но он так сразу подумал. Будь тогда в ходу выражение «не все дома», о нем бы так и говорили. Он всю свою жизнь хотел пустить эту краску в дело, а не получалось. Бедность кругом была такая, что и домов не красили. Куда же было девать краску? Мы сами над ним подшучивали. Отчасти поэтому все мы, как подросли, так и разъехались кто куда. Все мои братья подались на Запад; там и осели. Ну а я держался за Новую Англию и за старую ферму. И не потому, что залежи, а потому, что родной дом и отчие могилы. Вообще-то, — добавил Лэфем, чтобы не приписывать себе лишней заслуги, — сбыта для краски все равно не было. Вы можете проехать всю ту часть штата и купить сколько угодно ферм. Дешевле, чем обошлись бы одни только амбары. И вышло, что я сделал правильно. Старый дом содержу в порядке. Мы туда каждое лето ездим на месяц. Жене вроде там нравится, и дочекам. Виды уж очень красивые. Я постоянно держу там рабочих и сторожа с женой. А прошлый год мы туда съехались всей родней, все, кто переселился на Запад. Да вот они мы! — Лэфем встал и снял с верхушки своего бюро большую помятую фотографию без рамки и сдул с нее пыль. — Тут мы все.

— Сразу узнаю вас, — сказал Бартли, касаясь пальцем одного из группы.

— А вот и нет, — усмехнулся Лэфем, — это Билл. Он не глупее нас прочих. В Дюбюке он очень на виду как юрист; пару раз был и судьей по гражданским делам. Вот его сын, только что кончил курс в Йеле, вон, рядом с моей младшей. Красивый парень, верно?

— Это она красивый парень, — сказал непочтительно Бартли. И поспешил добавить, увидя, что Лэфем нахмурился: — Прелестная девушка! Какое милое, тонкое лицо! И видно, что хорошая.

— Это — да, — сказал отец, смягчаясь.

— А ведь это в женщине самое главное, — сказал потенциальный грешник. — Не будь у меня хорошей жены, которая умеет нас обоих удерживать на стезе добродетели, не знаю, что бы со мной было.

— Моя другая дочь, — сказал Лэфем, указывая на большеглазую девушку с очень серьезным лицом. — А это миссис Лэфем, — продолжал он, дотрагиваясь до фотографии мизинцем. — Это мой брат Циллард с семьей; у него ферма в Канкаки. Хэзард Лэфем, баптистский проповедник в Канзасе. Джим с тремя дочерьми, у этого мельница в Миннеаполисе. Бен с семьей — этот у нас врач, живет в Форт-Уэйне.

Снимавшиеся толпились перед старой фермой, спрятавшей свою уродливость под слоем лэфемовской краски и украшенной неуместной верандой. Фотографу не удалось скрыть, что все они были людьми порядочными и разумными; среди девушек было немало хорошенъих, а то и просто красивых. Разумеется, он расположил их в неловких, напряженных позах, словно у каждого под затылком находилось орудие пытки, именуемое у фотографов подголовником. У пожилых дам было иногда неясное пятно вместо лица, а некоторые из младших детей так вертелись, что от них остались одни тени, словно астральные снимки их собственных маленьких призраков. Словом, это была семейная фотография, на которой в свое время красовалось большинство американцев, и Лэфем имел основания ею гордиться.

— Полагаю, — заключил он, возвращая фотографию на место, — что нам не скоро снова удастся со браться.

— И вы, значит, — подсказал Бартли, — остались на старом пепелище, когда остальные подались на Запад?

— Ну нет, — протянул Лэфем, — сперва я двинулся на Запад. В Техас. Тогда все только им и бредили. Побыл три месяца, и хватило с меня Однокой Звезды. Вернулся. Решил, что мне и в Вермонте будет неплохо.

— Что ж, заклали жирного тельца в вашу честь? — спросил Бартли, занося карандаш над блокнотом.

— Думаю, что мне были рады, — сказал с достоинством Лэфем. — Мать, — добавил он тихо, — в ту зиму скончалась. Остался я с отцом. Весной и его схоронил, а сам переехал в поселок Ламбервиль и за любую работу брался. Поработал на лесопилке, потом конюхом на постоялом дворе — очень люблю лошадей. Колледжей не кончал, а в школу то ходил, то нет. Возил дилижанс, потом купил его и ездил уже от себя. Купил и таверну, а там женился. Да, — сказал с гордостью Лэфем, — на учительнице. Дела в таверне шли у нас неплохо, и жена уговаривала меня ее покрасить. Я все откладывал, как это водится у мужчин. Наконец сдался. Ладно, говорю, Персис — это ее так зовут. У меня на ферме целые заряды краски. Давай посмотрим. И поехали туда. А я тогда сдавал ферму за семьдесят пять долларов в год одному безалаберному французу-канадцу, которого занесло в наши края. Не хотелось мне его видеть в нашем доме. Мы и поехали в субботу под вечер и привезли этак с бушель краски под сиденьем повозки. По-пробовал я эту краску сырой, попробовал обожженной, и мне понравилось. Жене тоже. Маляра в поселке не было. Взялся я за дело сам. Так вот, сэр, краска на той таверне еще держится, больше ее не красили и навряд ли будут. А мне все казалось, что дело несерьезное. Может, и не взялся бы за него, да отец уж очень, бывало, с ним носился. Покрыл я стену первым слоем, а потом с полчаса глядел и думал: вот бы он порадовался. *Мне-то* в жизни повезло, грех жаловаться, но вообще замечаю, что удача приходит слишком поздно. Затосковал я, раздумавшись об отце, так что и краска не радowała. Мне бы тогда ею заняться, когда он

жив был. Но век живи, век учись. Позвал я жену — я сперва на задней стене попробовал, — а жена как раз посуду мыла. Помню, вышла с засученными рукавами и села рядом со мной на козлы. «Что скажешь, Персис?» — спрашиваю. А она: «Не краска это у тебя, Сайлас Лэфем, а золотая жила». Вот как она всегда умела радоваться. А как раз незадолго перед тем сгорели на Западе два не то три судна, много было человеческих жертв, и много шумели насчет невоспламеняющейся краски; об этом она, верно, и подумала. «Ну если и не золотая, — отвечаю, — то краска, пожалуй, отличная. Дам-ка я ее на анализ и, если окажется все как я думаю, возьмусь эту жилу разрабатывать». И не будь у отца имя такое длинное, называться бы этой краске Минеральная Краска Нехемия. Но уж обязательно на каждой бочке, каждой банке, большой или малой, будут буквы и цифры: Н.Л.О. 1835, С.Л.И. 1855. То есть отец открыл в 1835-м, а я испытал в 1855-м.

— Вроде как «С.Т.» 1860-х, — сказал Бартли.

— Да, — сказал Лэфем, — но я тогда не слыхал о настойке Плантийши и ихней этикетки не видел. Так вот: взялся я за дело, нашел человека из Бостона, привез его на ферму, и он сделал анализ честь по чести. Соорудили мы печь для обжига и сорок восемь часов раскаляли руду докрасна, а канадец и его семья подтапливали. Железо в руде сразу обнаружили магнитом, а еще он нашел в ней процентов семьдесят пять пероксида железа.

Эти научные данные Лэфем привел с почтением; правда, сквозь гордость проглядывала неуверенность насчет того, что такое пероксид. Он и слово произнес неправильно, и Бартли попросил его написать.

— А потом? — спросил он, записав эти проценты.

— Что потом? — отозвался Лэфем. — Потом этот человек мне сказал: «Тут у вас краска, которая вытеснит с рынка все другие минеральные красители. Вытеснит прямо в Бэк-Бэй». Я тогда, конечно, не знал, что такое Бэк-Бэй, но чувствую — глаза у меня открываются. Я-то думал, что уже открыты, оказалось — нет. А он говорит: «Ваш краситель содержит гидравлический цемент, он выдержит огонь, воду и кислоты». И много всякого называл. А еще говорит: «Он хорошо смешивается с льняным маслом, хотите в сыром виде, хотите в вареном. Не будет ни трескаться, ни выцветать; и шелушиться не будет. Когда устроите как следует обжиг, будет у вас краска вечная как горы, и притом для любого климата». И еще разные подробности. Я было подумал, что он привирает, чтобы счет представить побольше. И не показывал вида, что очень уж верю. А счет оказался совсем небольшой, и с оплатой, говорит, могу подождать, пока вы не наладите дело; молодой был, еще не умел запрашивать; а слова его все сбылись. Ну, я не стану расхваливать мою краску, не для того же вы пришли, чтобы я хвастал...

— Вот именно для этого, — сказал Бартли. — Это мне и надо. Говорите все, что можно сказать, я ведь потом могу сократить. Когда беседуете с репортером, самая большая ошибка — умолчать о чем-нибудь из скромности. А это может быть как раз самое для нас интересное. Нам нужна вся правда, и даже больше. У нас самих столько скромности, что можем смягчить любое высказывание.

Лэфему, как видно, не слишком понравился этот тон, и он продолжал более сдержанно.

— О самой краске что же еще сказать? Применять ее можно почти для всего, что надо покрасить, внутри или снаружи. Она предохраняет от коррозии и пре-

кращает ее, если началась, будь то олово или железо. Можно ею окрасить изнутри цистерну или ванну, и вода будет ей нипочем; а можно окрасить паровой котел, ей и жар будет нипочем. Можно покрыть ею кирпичную стену, или железнодорожный вагон, или палубу судна — и лучше вы для них ничего не сделаете.

— А людскую совесть не пробовали? — спросил Бартли.

— Нет, сэр, — серьезно ответил Лэфем. — Ее, я полагаю, красить не пристало, если она должна нам служить. На своей я никогда не пробовал. — Лэфем грузно поднялся с врачающегося стула и повел посетителя на склад, прямо по зади конторы. Ряды бочек и бочонков тянулись в глубь здания, издавая здоровый, чистый запах масла и краски. На каждом было отмечено, что он содержит столько-то фунтов Лэфемовского Минерального Красителя, и стояла загадочная надпись Н.Л.О. 1835 — С.Л.И. 1855. — Вот! — сказал Лэфем, толкнув носком ботинка одну из самых больших бочек. — Вот самая крупная, а это, — и он ласково положил руку на маленький бочонок, словно на детскую головку, которую она напоминала размерами. — Это самая мелкая расфасовка. Сперва мы продавали краску в сухом виде, а теперь растираем ее всю с самым лучшим льняным маслом и гарантируем качество. Оказалось, что так больше нравится покупателям. А теперь — назад, в кабинет, и я покажу вам наши высшие сорта.

В полутемном складском помещении стояла приятная прохлада; потолочные балки едва виднелись в вечных сумерках; Бартли удобно сидел на бочке с краской, и уходить ему не хотелось. Однако он встал и последовал за энергично шагавшим Лэфемом обратно в кабинет, где послеполуденное летнее солнце глядело прямо в окно. На полках перед бюро Лэфема были установлены пирамидами банки разных размеров; те же этикетки, что и на бочках в складе, уходили ввысь, постепенно уменьшаясь. Лэфем просто указал на них рукой, но, когда Бартли стал с особым вниманием разглядывать ряд чистых, прозрачных стеклянных банок, где просвечивала краска разных цветов, Лэфем улыбнулся, с удовольствием ожидая оценки.

— Ой! — сказал Бартли. — До чего красиво!

— Недурно, — согласился Лэфем. — Это у нас новинка, идет отлично. Поглядите-ка! — сказал он, взял одну из банок и указывая на первую строчку этикетки.

Бартли прочел: СОПТ «ПЕРСИС» и с улыбкой взглянул на Лэфема.

— Ну да, в ее честь, — сказал Лэфем. — Подготовил и пустил в продажу ко дню ее рождения. Ей было приятно.

— Еще бы! — сказал Бартли, записывая, как выглядели банки.

— Об этом, пожалуй, не надо в вашем интервью, — сказал неуверенно Лэфем.

— Именно это и будет в интервью, мистер Лэфем, если даже не будет больше ничего. Я сам женат и отлично вас понимаю. — Дело было на заре успехов в «Бостонских Событиях» и до того, как пошли у него с Марцией серьезные нелады.

— Вот как? — сказал Лэфем, узнавая в нем еще одного из большинства женатых американцев; кое-кто недооценивает своих жен, зато все остальные считают их несравненными по уму и талантам. — Ладно, — добавил он, — это мы учтем. Где вы живете?

— Не живем, а снимаем квартиру. У миссис Нэш, Кэнери Плейс, 13.

— Что ж, всем нам приходилось так начинать, — утешил его Лэфем.

— Да, но больше мы так не можем. Скоро, надеюсь, будет своя крыша над

головой, вероятно, на Кловер-стрит, — сказал Бартли и вернулся к делу. — Вы, думаю, не теряли времени, когда узнали, какие у вас залежи?

— Не терял, сэр, — ответил Лэфем, отрывая взгляд от Бартли, в котором он увидел сейчас себя самого в молодости, в начале своей семейной жизни. — Я сразу вернулся в Ламбервиль, все распродал и все, что сумел наскрести, вложил в краску. А миссис Лэфем во всем мне помогала. Ее никакие трудности не испугали. Вот это *женщина*!

Бартли засмеялся.

— На таких большинство из нас и женится.

— Вот уж нет! — сказал Лэфем. — Большинство женится на маленьких глыбушках, которые только *выглядят* как взрослые женщины.

— Да, пожалуй, что так, — согласился Бартли, словно сразу переменил мнение.

— Если б не она, — заключил Лэфем, — из краски ничего бы не вышло. Я ей все время говорил, что удачу принесли не семьдесят пять процентов перекиси железа в руде, а семьдесят пять процентов пероксида железа в *ней самой*.

— Отлично! — воскликнул Бартли. — Надо будет рассказать это Марции.

— И полгода не прошло, как на каждом заборе, на каждом мосту, стене, амбаре и скале был нарисован образчик Лэфемовского Минерального Красителя в трех цветах — с них мы начинали. — Бартли сел на подоконник, а Лэфем, стоя перед ним, поставил вплотную к нему свою большую ногу; это никому из них не мешало.

— Я немало слыхал нареканий на «С.Т. 1860-х», и на печную политуру, и на лекарство от почек — зачем их вот так рекламировали; и в газетах об этом читал, только не пойму, что тут плохого. Если владельцы амбаров и заборов не против, то публике-то какое дело? Что за святыня такая — скала, или речка, или вагон, будто уж нельзя там написать в три цвета о минеральной краске? Пусть бы тем, кто рассуждает про пейзажи и пишет про них, довелось взрывать какую-нибудь скалу из этого пейзажа или рыть яму, чтобы ее туда упрятать, как нам приходилось на ферме; они по-другому запели бы насчет осквернения красот. Уж я ли не люблю красивый вид — скажем, широкую аллею, а на ней полдюжины больших пирамидальных вязов. Но не стану я защищать каждую каменную дылду, точно мы какие-то чертовы друиды. Я так считаю: пейзаж для человека, а не человек для пейзажа.

— Да, — сказал небрежно Бартли, — для рекламы печной политуры и лекарства от почек.

— Для каждого, кто знает, как его использовать, — ответил Лэфем, не чувствуя иронии. — Пусть попробуют пожить на природе зимой, где-нибудь на канадской границе; по горло будут сыты, и надолго. Так на чем я остановился?

— На украшении пейзажа, — сказал Бартли.

— Да, сэр; начал я с Ламбервиля, и для него тоже кое-что началось. Вы теперь не найдете его на карте, и в словаре не найдете. Лет пять назад отвалил я им денег на ратушу, и на первом же заседании проголосовали за перемену названия. Теперь он не Ламбервиль, а Лэфем.

— Не там ли делают красную краску Брэндона? — спросил Бартли.

— Это от нас около девяноста миль. Брэндон — краска хорошая, — честно признал Лэфем. — Я бы вам показал наши места как-нибудь, когда будете сво-

бодны.

— Спасибо, я охотно. Там и фабрика?

— Да, там. Так вот, начал я дело, а тут война. Прикончила она мою краску. Будь у меня знакомства, я бы ее сбывал правительству для лафетов, для армейских фургонов, а может, и для судов. Но не было у меня ничего этого, и остались мы на бобах. Я был прямо убит. А жена взглянула на это иначе. Это, говорит, пророчество, Сайлас. За такую страну стоит сражаться. Надо тебе идти защищать ее. Я и пошел. Я понимал, что она дело говорит. Тяжело ей было отпускать меня, но еще тяжелее было бы, если бы я остался. Вот она у меня какая. Я и пошел. А она на прощанье сказала: краской я сама займусь, Сай. У нас была тогда всего одна дочурка — мальчик-то умер, — а еще жила с нами мать миссис Лэфем; и я знал, что, если времена изменятся, жена уж будет знать, что делать. И пошел. И всю кампанию проделал, так что можете величать меня полковником. Пошуруйте-ка вот тут! — Лэфем взял два пальца Бартли и нажал на шишку над своим коленом. — Чувствуете кое-что твердое?

— Пуля?

Лэфем кивнул.

— Под Геттисбергом. Она у меня вместо градусника. А то не знал бы, как под дождь не попасть.

Бартли посмеялся шутке, хоть та была не первой свежести.

— А когда вернулись, опять взялись за краску?

— Да, взялся вовсю, — сказал Лэфем, уже не получая столько удовольствия от своей автобиографии. — Но вернулся я — точно в другой мир попал. Прошло время мелких дельцов; думаю, в нашу страну оно уж не вернется. Жена все уговаривала меня взять компаньона — кого-нибудь с капиталом. А я представить себе этого не мог. Краска была для меня точно собственная кровь. Чтобы кто-то еще ею распоряжался, это мне было — ну прямо не знаю что. Я понимал, что следовало бы, но все старался отвертеться или отшутиться. Спрашивал: что ж ты сама не взяла компаньона, когда меня не было? А она: и взяла бы, если бы ты не вернулся! Мало я знаю женщин, чтобы так любили шутку. И пришлось-таки. Взял я компаньона. — Лэфем опустил дерзкие голубые глаза, до сих пор прямо глядевшие на Бартли, и репортер понял, что здесь в интервью — если в нем говорится правда — должны быть звездочки. — Деньги у него были, — продолжал Лэфем, — но в краске он ничего не смыслил. Год или два он со мною пробыл. А там мы расстались.

— И он приобрел опыт, — сказал непринужденно Бартли.

— Кое-какой опыт и я приобрел, — сказал Лэфем, нахмурясь; и Бартли, как все, у кого есть в памяти больные места, почувствовал, что этой темы касаться больше не следует.

— И с тех пор вы, видимо, действовали в одиночку?

— Да, в одиночку.

— Вам надо бы экспортировать часть краски, полковник, — сказал со знающим видом Бартли.

— Мы ее вывозим во все страны света. Много идет в Южную Америку. В Австралию идет, в Индию, в Китай и на мыс Доброй Надежды. Эта краска пригодна для любого климата. Конечно, высших сортов вывозим мало. Они для внутреннего рынка. Но понемногу тоже начали. Вот, глядите. — Лэфем отодвинул